

© 1991 г.

И.А. ГОЛЬДЕНБЕРГ

КЛАССОВАЯ СУЩНОСТЬ "СИМБИОЗА"

(теневая экономика системе)

в административно-командной системе)

*ГОЛЬДЕНБЕРГ Ирина Александровна — кандидат экономических наук, научный сотрудник
НЭП НТП АН СССР. В нашем журнале публикуется впервые.*

Слова "классовая сущность", вынесенные в заголовок данной статьи, у многих читателей вызовут снисходительную улыбку: разговоры о классах и классовой борьбе давно сделали непопулярными. Между тем, если отказаться от усвоенной еще в школе догматической трактовки общества с раз и навсегда установленными "ролями", "антагонизмами", "типами социальных революций" и т.п., то марксистско-ленинская теория классов может стать мощным инструментом анализа и, в известной мере, прогноза экономической и политической ситуации в СССР. Эта, отнюдь не утратившая актуальности теория, дает ответ на вопрос о том, почему перестройка инициируется "сверху" и чьим интересам отвечает, почему она происходит именно теперь, каковы ее корни и перспективы.

Начнем, казалось бы, с не относящегося к делу вопроса: что такое теневая экономика, и какую роль она играет в современном советском обществе? Очевидно, это не только и не столько подпольное производство и спекуляция, сколько совокупность неформальных социально-экономических отношений в рамках хорошо нам знакомого легального производства, распределения, сферы услуг и т.д. Эти отношения материализуются в денежно-вещевых потоках, в частности, в перераспределении реальных доходов, но кроме того охватывают сферу формирования и квази-наследственной передачи

социального статуса. Последнее не менее важно, чем первое, поскольку в нашей стране наличие денег отнюдь не означает реальной и равной для всех возможности удовлетворения тех или иных потребностей.

Мы склонны толковать теневую экономику расширительно, относя к ней также неформальное "вторичное перераспределение" доходов и социальных привилегий в так называемой нематериальной сфере (образование, здравоохранение, культура, наука). При таком расширительном понимании в круг теневых экономических отношений оказываются в большей или меньшей мере вовлечены все члены общества. Кто из нас не давал трешку сантехнику не участвовал в сборе денег на дорогой подарок учительнице, не "доставал" билеты на поезд или самолет, не приносил коробку конфет или коньяк врачу?

Даже из перечисленных простых примеров видно, что теневые экономические отношения вовсе не всегда означают социальную несправедливость. Они по своей природе носят компенсационный характер, дополняют установленные административной системой отношения в той части, в которой последние не предусматривают удовлетворение тех или иных общественных и индивидуальных потребностей. Теневая экономика существует как бы в противовес государственно-административной системе и развивается вследствие явных и неявных ограничений, накладываемых государством на хозяйственную и другую деятельность. В классической модели экономики свободной конкуренции теневым отношениям нет места.

Итак, наличие системы государственно-административного регулирования хозяйственной деятельности является необходимым условием возникновения теневой экономики. Однако одного этого условия недостаточно. Благоприятную почву для развития теневых отношений создает лишь система, способная существенным образом вмешаться в процессы производства, распределения, обмена и потребления, и только в том случае, когда вмешательство противоречит объективным закономерностям экономического развития. Например, искусственное занижение цен на потребительские товары приводит к возникновению спекулятивной торговли ими — ситуация хорошо знакомая советским гражданам, вызывающая у многих раздражение, но сама по себе не опасная. Стоит "только повысить цены"...

Тем не менее всякий, пытающийся вникнуть в существо экономических процессов, чувствует, что опасно все-таки есть. Если бы функции теневой экономики сводились к довольно безобидному выравниванию спроса и предложения на потребительском рынке, о ней вообще не стоило говорить в данной статье. Нам предстоит убедиться, что ее функции в действительности гораздо шире, что теневые отношения пронизывают всю нашу экономическую систему и порождают устойчивые социальные структуры в рамках нашего общества, что они составляют основную специфику того этапа, на котором мы сейчас находимся.

Пока мы установили, что теневая экономика сама по себе имеет дополняющую природу, является как бы обратным отображением видимой "надводной" части экономической системы, описанной в учебниках. Копнув глубже, мы обнаружим, что теневая экономика "сама по себе" не существует; она функционирует в неразрывном единстве с экономикой, изучаемой студентами, и выполняет столь важную роль, что знания, полученные в институте, большей частью остаются без употребления в реальной хозяйственной практике. Поэтому правильнее было бы говорить даже не о теневой экономике, а о теневых отношениях в народном хозяйстве.

В каком учебнике написано о категориях снабжения городов и дележе потребительских фондов, о способах доставания сырья и комплектующих деталей, о "выбивании" капитальных вложений или лимитов на жилищное строительство и других подобных вещах? А ведь именно они составляют основную коллизию нашей экономической жизни.

Ярким примером слияния теневых отношений с административно-хозяйственной системой является мафия (организованная преступность). Но существует много других, менее криминальных в силу своей массовости, проявлений пений этого слияния. Не пытаясь обобщить и систематизировать все подобные проявления, укажем лишь на то, что в их основе лежит деформация функций и содержания управленческого труда, суть которой заключается в подмене общественных критериев эффективности хозяйственной деятельности другими критериями, отвечающими интересам отдельных групп.

С этой точки зрения теневые отношения, несмотря на их историческую обусловленность, представляются весьма вредными и опасными для здоровья экономической системы в целом. Чтобы оценить масштабы их вредности, достаточно вспомнить БАМ, поворот сибирских рек, распространение контейнерных овощехранилищ и огромное количество других проектов, которые не были бы приняты при добросовестном подходе к их разработке и экспертизе.

Но нерациональностью хозяйственных решений и прямым экономическим ущербом вредность теневых отношений далеко не исчерпывается. Порождая устойчивую социальную дифференциацию членов общества, симбиоз теневой экономики с административно-хозяйственной системой¹ приобретает самовоспроизводящийся характер. Он захватывает все новые и новые сферы деятельности, заражая здоровые ткани экономики, умножая производство некачественной, ресурсоемкой продукции. В конечном итоге это приводит к загниванию хозяйственного организма, свидетелями которого мы теперь являемся.

История возникновения и механизм воспроизводства "симбиоза" — обширная область для плодотворного научного поиска. Не внедряясь в нее особенно глубоко, мы хотим обратить внимание на некоторые внешние, но весьма характерные черты названного механизма: 1) закреплённость отраслевых и ведомственных приоритетов (не наличие их, а именно постоянство, неизменность); 2) краткосрочная ориентация в принятии управленческих решений, концентрация усилий на "решающих" направлениях в ущерб "второстепенным", таким как, например, развитие производственной и социальной инфраструктуры, охрана окружающей среды; 3) чрезмерная напряженность плановых заданий и их хроническая необеспеченность ресурсами в производственной сфере, постоянная необходимость "расширки узких мест"; 4) эрозия нормативной базы и отсутствие эффективного контроля за ее применением; 5) нарастающее отставание в развитии потребительской сферы (включая жилищное строительство, домашнее хозяйство и услуги); 6) существенные различия в реальной покупательной способности рубля для отдельных групп лиц и отдельных территорий при весьма ограниченных возможностях перемены места жительства; 7) неодинаковая доступность бесплатно и платно предоставляемых благ из общественных фондов потребления для жителей разных территорий, работников разных отраслей и отдельных контингентов трудящихся; 8) развитая система протекционизма в предоставлении рабочих мест, обеспечивающих более выгодные условия приложения труда (включая как характеристики самого труда, так и все виды получаемых благ) и более высокий социальный статус.

Разве это не пороки социализма как такового? При чем тут краткосрочная ориентация? — спросит читатель. Какая может быть связь между отраслевыми приоритетами, нормативной базой и невозможностью просто так устроиться на работу в хорошее место? Мы вынуждены оставить любопытного читателя один на один с подобными вопросами, поскольку это предмет отдельного, отнюдь не короткого разговора. Заметим только, что далеко не во всех социалистических странах имели место перечисленные явления,

¹ В дальнейшем просто «симбиоз».

и уж во всяком случае они не принимали столь массового характера. Почему? — скоро станет понятно. А пока мы переходим к теме социального расслоения общества.

Теоретики марксизма-ленинизма совершенно правильно утверждали, что человечество постепенно идет к уничтожению классов, и вполне обоснованно связывали неизбежность стирания классовых различий с ростом производительных сил общества. История современной Европы убедительно о том свидетельствует. Однако ни теперешнему, ни следующему за ним поколению пожить в полностью бесклассовом обществе, по-видимому, не удастся. Не удастся хотя бы потому, что отмирание классов предполагает полное слияние умственного и физического труда, а до этого даже самым развитым индустриальным странам еще далеко.

Известное каждому студенту ленинское определение классов, данное им в работе "Великий почин", по сей день остается вполне конструктивным. Вникнув в суть определения, нетрудно догадаться, что современное советское общество тоже отнюдь не бесклассовое, а острота разгоревшейся у нас внутривластной борьбы — еще одно тому подтверждение.

Заранее охлаждая пыл любителей выяснить классовую принадлежность отдельных конкретных лиц и делать соответствующие выводы, заметим, что классы — категория абстрактного научного анализа. Данная категория может быть корректно использована только в теоретическом контексте, которого мы в дальнейшем постараемся придерживаться.

Итак, какие же у нас классы? Пролетариат? Крестьянство? Интеллигенция? Или, может быть, технократия?, аппарат?, военные? С уверенностью можно сказать, что ни одного из классов, известных основоположникам марксизма-ленинизма, в современном советском обществе не существует. Пролетариат — класс, продающий свою рабочую силу в обмен на заработную плату владельцам средств производства. У нас рынок труда отсутствует, частная собственность на средства производства — тоже. Крестьянин — самостоятельный товаропроизводитель, продающий на рынке результаты своего труда. В СССР единоличных крестьянских хозяйств товарного типа практически нет, а колхозы не вправе полностью решать сколько и чего им производить, кому и по какой цене продавать. Большая часть из них убыточна, зависит от дотаций, кредитов и, следовательно, вообще не имеет самостоятельности.

Не отступая перед поставленным вопросом, вновь обратимся к ленинскому определению. Оно ясно указывает на то, что корень классовых различий следует искать в производственных отношениях. Руководствуясь этим определением, можно с уверенностью сказать, что массовое распространение теневых отношений во всех сферах общественной деятельности создает особый тип производственных отношений, при котором большая группа людей, не обладая частной собственностью на средства производства, распоряжается ими с дополнительной (т.е. не отвечающей реальному трудовому вкладу) выгодой для себя и тем самым присваивает себе труд остальных членов общества.

"Классами называют большие группы людей, различающихся по их месту в исторически определенной системе общественного производства..." Можно ли считать советский вариант социализма "исторически определенной системой"? Все этапы развития социализма в СССР, включая теперешний, были объективно обусловлены — это так. Но для стран, вступающих на путь социализма с более высоким стартовым уровнем, они не обязательны. Предоставляя историкам разбираться в данной проблеме, мы на всякий случай будем соблюдать осторожность и в дальнейшем говорить не о классах, а о тенденциях социального расслоения. Лица, получающие дополнительные блага в результате функционирования "симбиоза", условно будут называться "верхней

прослойкой" (возможно, в будущем появится более удачный термин).

Социальная прослойка — элемент социальной структуры общества, которая, в отличие от классовой структуры, просматривается на конкретно-эмпирическом уровне. "Верхняя прослойка", являясь скорее над- или инфрасоциальной, также имеет вполне зримые очертания. Например, на вопрос о том, принадлежит ли к этой прослойке больничная санитарка, получающая от родственников больного "наличные" за дополнительные или даже входящие в ее обязанность услуги, можно с уверенностью ответить отрицательно. "Сверхдоход" санитарки имеет чисто компенсационный характер. Она получает лишь деньги, недоплачиваемые ей государством. Вовсе не нужно сложных выкладок, чтобы это доказать: на место санитарки легко может устроиться всякий желающий. И наоборот, малозагруженная секретарша, занявшая должность благодаря связям, даже если ее доход состоит из одной только зарплаты, принадлежит к "верхней прослойке".

Этими примерами мы хотим подчеркнуть, что, во-первых, несоответствие получаемых "дополнительных благ" трудовому вкладу не обязательно выражается в дополнительных доходах. Оно имеет две стороны. С одной стороны — "блага", которые могут включать свободное время, возможность совершать поездки, льготное потребление (заказы, ведомственные распродажи, путевки и т.д.), социальный престиж и т.д. С другой стороны — труд, его привлекательность, режим, условия и т.д. Во-вторых, "верхняя прослойка" — устойчивое образование в рамках социальной структуры. Она самовоспроизводится за счет создания "более выгодных" рабочих мест и закрепления их за представителями этой прослойки. Закрепление происходит благодаря ограничению свободного доступа к рабочим местам на конкурентной основе и развитой системе протекционизма. В-третьих, "верхняя прослойка" — это не самостоятельное образование. Она существует как экономически значимое явление лишь в рамках "симбиоза", будучи его порождением и одновременно социальной базой. "Верхняя прослойка" имеет своих представителей во всех социальных группах. Ее нельзя отождествить ни с "аппаратом", ни с "партией", ни с мафией, ни с интеллигенцией, хотя, конечно, ее ключевое звено находится в сфере управления (понимаемой нами в широком смысле).

Опасаясь, что представления, о "верхней прослойке", описанной таким образом, окажутся чересчур размытыми, еще раз напомним: большинство контрагентов теневых отношений, даже если они выступают в роли "продавцов" или "распорядителей", к "верхней прослойке" не относятся, ибо соответствие меры потребления мере общественно полезного труда соблюдается для них на среднем общественном уровне.

Раз "верхняя прослойка" не столь многочисленна, раз она "эксплуатирует" остальных членов общества, а ее деятельность приводит экономическую систему к деградации, нужно уничтожить ее как класс, и тогда начнется другая жизнь — скажут сторонники решительных мер, жаждущие перемен. И отчасти они будут правы: такая постановка вопроса не лишена оснований. Однако, с научной точки зрения она нуждается в уточнении.

Как нельзя уничтожить класс буржуазии, не уничтожив капитализма, "верхнюю прослойку" можно уничтожить только вместе с "симбиозом", т.е. подорвав экономическую основу ее существования. Но что значит уничтожить "симбиоз"? Какие общественные силы возьмут на себя решение этой задачи? Возможно ли оно в принципе?

В поисках ответа на перечисленные вопросы нам удалось установить, что эта система возникла не случайно, а наоборот, вполне закономерно. И именно с точки зрения исторических закономерностей можно сегодня говорить о ее дальнейшей судьбе.

Прежде чем пуститься в рассуждения на данную тему нам необходимо следующие оговорки. Первое. Употребляя термин "социализм", мы

будем иметь в виду реальный социализм и только ту его разновидность, которая сформировалась из экономики с первоначально низким уровнем развития производительных сил. (К этой разновидности относились практически все страны так называемого социалистического лагеря.) Второе. Политическая экономия (или, если угодно, экономическая теория) реального социализма, основанного на низком уровне производительных сил, по ряду причин (о которых будет сказано ниже) оказалась почти не разработанной. Поэтому нам придется опираться на собственные домыслы относительно природы этого специфического общественного строя и его генезиса.

Итак, размышляя о социализме, мы пришли к выводу, что в самой его природе заложены предпосылки для развития теневых отношений:

1) всестороннее государственное регулирование экономики при малейших просчетах естественным образом создает почву для "дополняющего" теневого бизнеса; 2) отсутствие естественного механизма выравнивания технического уровня и условий производства предъявляет чрезвычайно высокие требования к качеству нормативной базы, а при неудовлетворительном ее качестве ставит производителей в тесную зависимость от произвола управляющих органов; 3) некоммерческий характер инвестирования наряду с ориентацией на полную занятость препятствует созданию необходимого резерва для быстрой перестройки структуры производства, поэтому даже небольшая разбалансировка экономики приводит к хроническому тотальному дефициту в производственной, и далее по цепочке, в потребительской сфере. А дефицит — богатая питательная среда для теневых отношений; 4) значительные масштабы прямого перераспределения средств на безвозмездной основе (в виде инвестиций, дотаций, субсидий, мер социальной защиты и т.д.) между отраслями, регионами, группами населения и проч. предоставляют в распоряжение управленческого аппарата материально-финансовые ресурсы, которые при слабом контроле за их использованием могут превратиться в объект теневых манипуляций.

Эти органические свойства социалистической системы хозяйства — всего лишь предпосылки. Они становятся реальной причиной зарождения теневых отношений только на фоне низкой культуры управления и хозяйственной деятельности в целом². А культура, как известно, не может быть приобретена в короткий срок. Она создается десятилетиями. В тех сравнительно отсталых полуаграрных странах (СССР, Китай), где переход к социализму произошел в виде резкого скачка, такая культура не могла быть подготовлена предыдущим развитием. Поэтому некоторые особенности социализма проявились в своем негативном варианте.

Хозяйственное развитие нашей страны помимо перечисленных общих предпосылок отличается чертами, усугубляющими эти негативные проявления. Среди них особое место занимают культурно-исторические традиции, на которых мы останавливаясь не будем, а сконцентрируем все внимание на экономических моментах.

Во-первых, индустриализация и раскрестьянивание села с ориентацией на крупное промышленное (в том числе военное) производство, узаконив неравноправие между городом и деревней, между производителем и потребителем, положили начало хроническому экономически неоправданному и все нарастающему отставанию потребительской сферы. В результате появилось обширное поле деятельности для дополняющей теневой экономики.

Во-вторых, соединение в единый хозяйственный организм промышленно-развитых и отсталых территорий породило массовые потоки перераспределения ресурсов, которые сделались предметом теневого бизнеса.

² Эта культура включает в себя не только квалификацию управляющих, но и эффективную систему контроля за их деятельностью со стороны общества в целом, в том числе правовые нормы, демократические институты местного самоуправления и т.д.

В-третьих, размеры нашей хозяйственной системы, ее сложность и неоднородность чрезвычайно затрудняют контроль за деятельностью централизованного аппарата управления. Тем самым создаются предпосылки для манипулирования нормативами, всякого рода злоупотреблений и теневых махинаций.

И наконец, тенденции уравнительности в оплате труда, отсутствие действенной заинтересованности хозяйственных руководителей и работников делают всякий контроль неуместным и неэффективным.

Теперь понятно, почему теневые отношения получили столь мощное развитие именно в СССР и Китае, где условия становления социализма оказались сходными. Каким было это развитие? Как и когда произошел переход количества в качество, и теневые отношения из инородного тела превратились в неотъемлемую часть хозяйственного организма? Эти вопросы ждут ответа. Оставляя их в стороне, мы все же должны кое-что сказать об истории возникшего в итоге "симбиоза".

Период его зарождения пока имеет в нашем представлении довольно размытые временные границы. По-видимому, они находятся в пределах середины пятидесятых — начала шестидесятых годов. Соединившись с легальной экономикой, теневые отношения, подобно эпидемии, распространились с большой скоростью. И к началу восьмидесятых "симбиоз" достиг высшей точки развития, одновременно приблизившись к критической массе. Механизм его воспроизводства сделался механизмом воспроизводства экономической системы в целом.

Ну и что из этого следует? — спросит порядком утомленный читатель. Следует многое — ответим мы, призывая его к терпению.

Вступление "симбиоза" в пору зрелости означает злокачественное перерождение всего хозяйственного организма. Назовем только один существенный признак названного перерождения, принявший тотальный характер, и потому заметный, как говорится, "невооруженным глазом".

Этот признак — устойчивый дисбаланс групповых и общественных интересов в системе управленческих мотиваций. Когда групповые интересы противоречат друг другу, а заодно и конечным целям общественного развития — это еще не страшно. Наоборот, сталкиваясь и взаимоуничтожаясь, они складываются в равнодействующую, отвечающую интересам общества в целом, и таким образом содействуют прогрессу. Беда, если этого не происходит, если сумма групповых интересов перевешивает общественный и сталкивает экономику на тупиковую траекторию.

Именно такая ситуация оказалась преобладающей уже в семидесятые годы. Все попытки повернуть экономику к человеку, увеличить долю отраслей группы "Б", повысить реальный приоритет потребления были заранее обречены на провал, потому что эти крайне насущные для общества в целом меры не встраиваются в механизм воспроизводства "симбиоза", противоречат ему. Болезненный симптом групповщины целиком охватил сферу управления производством. Пресловутая ведомственность — лишь частный случай. Главная (всеобщая) сущность симптома — в том, что ведущей функцией управления сделалось не совершенствование производства, а полутеневая деятельность по обеспечению более благоприятных условий приложения труда для отдельных лиц, коллективов бригад, цехов, отраслей и проч.

Другими словами, усилия работников управления всех уровней преимущественно направлены на "выбивание" планов, ресурсов, фондов, нормативов, т.е. на создание внешних условий, а не рациональную организацию самого процесса производства. Такой способ "достижения производственных успехов" в период зрелости "симбиоза" оказался значительно более легким, а во многих случаях — единственно доступным. В результате переход экономики на путь интенсификации стал неосуществимым: механизм ее

воспроизводства предполагает здесь борьбу за ресурсы, а не экономное их использование.

Итак, с одной стороны, структурный паралич, невозможность потребительской переориентации народного хозяйства ослабили действенность человеческого фактора, о котором так много написано, с другой стороны, невозможность интенсификации, истощение доступных резервов роста положили предел расширению и качественному совершенствованию производства. Произошла в буквальном смысле "закупорка" производительных сил. "Симбиоз" исчерпал источники своего прежнего существования. Перестройка сделалась неизбежной.

Теперь, когда надежды на быстрый успех проводимых хозяйственных реформ не оправдались, и страна оказалась на грани экономического кризиса, многие склонны видеть главную причину неудач в промахах и просчетах нашего руководства (не считая, конечно, сопротивления скрытых и явных врагов перестройки). Поскольку это распространенное заблуждение толкает общественность на ложный и бесперспективный путь поиска виноватых, мы вынуждены заявить: в своем стихийном развитии перестройка приняла ход, вытекающий из ее объективных предпосылок. Основная ее направленность (теперь уже ясно различимая) соответствует закономерностям классовой борьбы.

Объективной предпосылкой был кризис "симбиоза". Экстенсивная природа его воспроизводства позволяла разворачивать свою деятельность лишь вширь. В силу естественных ограничений такому развращиванию экономическая основа процветания "верхней прослойки" оказалась в конечном счете подорванной. Обострились противоречия и изменилась расстановка сил внутри "верхней прослойки" (перестроечный процесс обнажил ее неоднородность). Ей пришлось, разрешая эти противоречия, и одновременно принося в жертву некоторых своих членов, пойти на активные шаги по своему самосохранению, в результате которых новая расстановка сил получила законный статус. Вот социально-классовый сценарий перестройки, сочиненный не нами, а историей.

Наполнить этот схематический сценарий живыми лицами и красками — задача историков, а наша ближайшая цель — конкретизировать его на экономико-социологическом уровне.

Неоднородность "верхней прослойки" есть прямое следствие неоднородности самого "симбиоза", в котором соединились два противоположных хозяйственных начала: рыночно-теневое и плано-административное. В централизованной системе экономического управления эти начала юридически неравномерны: рыночно-теневое существует на положении нелегального. Поэтому "верхняя прослойка" естественным образом разделяется на две подпрослойки. В организационно-хозяйственных функциях одной подпрослойки преобладают плано-административные элементы, и ее представители получают часть дополнительных благ в виде высокого социального статуса. Другая подпрослойка берет на себя выполнение рыночно-теневых функций и приобретает дополнительные блага через незаконные каналы, постоянно подвергая себя риску разоблачения.

В момент возникновения "симбиоза" плано-административное начало было преобладающим. Затем, по мере развития, по мере его приближения к критической массе, накопления экономических трудностей и дефицитов, рыночно-теневое начало интенсивно наращивало свой удельный вес. В итоге неравноправное социальное положение представителей рыночно-теневой подпрослойки оказалось в резком несоответствии с их реальной хозяйственной ролью.

Кризис системы, ставший одновременно "кризисом верхов", превратил в восстановление юридического равноправия между двумя подпрослойками в

экономическую необходимость. Только легализация рыночно-теневых каналов присвоения могла обеспечить относительное расширение потоков перераспределения благ в пользу "верхней прослойки". И только такое расширение могло продлить существование "верхней прослойки" в условиях экономической стагнации.

Это и случилось в ходе проводимых "сверху" хозяйственных реформ (независимо от воли и субъективных намерений тех, кто ратовал за их реализацию). Экономического оживления не произошло. Даже наоборот, наблюдается спад и дезорганизация производства. А объяснение простое. В процессе функционирования "симбиоза" объективные критерии оценки хозяйственной деятельности и содержание хозяйственных связей деформируются до такой степени, что результативность трудовых усилий каждого экономического субъекта (от отдельного работника до коллективов, отраслей и проч.), их общественное признание в виде предоставляемых в обмен на труд потребительских благ зависит не столько от рациональной направленности (с точки зрения общества в целом) этих усилий, сколько от выгоды внешних (по отношению к субъекту) условий приложения труда³.

Именно по поводу этих условий субъекты вступают в так называемые хозяйственные отношения, которые носят, как правило, полутеневой характер. Расширение хозяйственной самостоятельности в рамках "симбиоза", при исходном дефиците ресурсов и значительной дифференциации технического уровня производства приводит к тому, что внешние условия приложения труда становятся доминирующим фактором роста благосостояния работников и коллективов.

Достижение благоприятных внешних условий, формально облегченное предоставлением хозяйственной самостоятельности, превращается в главный стержень экономической деятельности на всех уровнях, а рациональные (с точки зрения общества) трудовые усилия отодвигаются на задний план⁴. Улучшение организации производства в пределах компетенции каждого управленческого звена, изыскание внутренних резервов делается неактуальным. Поэтому, несмотря на возможные положительные структурные сдвиги (сокращение избыточных, технически отсталых производств), "рынизация" симбиоза повлекла за собой дальнейшее ухудшение экономической ситуации. Снижение внутрипроизводственной активности — естественный и неизбежный результат проводимой политики расширения хозяйственных свобод.

Разве рынок не разрушает "симбиоз", не подрывает основы его существования? Ведь с одной стороны, он устраняет бюрократический аппарат административного управления, а с другой — легализует теневые отношения, заставляя их служить общественной пользе? — возразят приверженцы экономической демократии. Они были бы полностью правы, если бы можно было заснуть при господстве "симбиоза", а проснуться при рынке. Но подобные экономические чудеса не совершаются даже в воображении поборников рыночных реформ, не говоря уже о действительности. А в действительности

³ Для рабочего это — виды выполняемых (по указанию мастера или бригадира) работ и расценки за них, продолжительность вынужденных простоев и режим сверхурочной работы для бригады, цеха — обеспеченность необходимыми материалами, сырьем и оборудованием напряженность плана, «выгодность» той или иной изготавливаемой продукции и т.п. Для предприятия в целом — технический уровень производства, объем выделяемых ресурсов, цены на продукцию и сырье, нормативы образования фондов и т.д.

⁴ При более выгодных стартовых позициях (хорошая техническая оснащенность возможность наращивания цен на продукцию и т.д.) совершенствование производственного процесса утрачивает первостепенное значение, т.к. существует более легкий путь к хозяйственным успехам за счет использования благоприятной внешней конъюнктуры. При менее выгодных позициях совершенствование производства с точки зрения коллектива чересчур затруднительно, т.к. требует усилий, не окупающихся возможным приращением оплатных фондов.

централизованную систему управления невозможно отменить в одночасье. К рынку так или иначе необходим переход.

Ни теория, ни практика рыночных преобразований в социалистических странах не дают оснований для уверенности в том, что эти преобразования могут быть успешно завершены, что нет предела вживлению коммерческих отношений в общественную систему первоначально социалистического типа. А поспешность и неподготовленность проводимых в СССР рыночных реформ не говорит о действительном стремлении их инициаторов добиться декларируемого результата. Значит, переход к рынку может затянуться на десятилетия. И каким бы он ни был — длительным или коротким — в процессе этого перехода: а) "симбиоз" видоизменяется, но не прекращает существования (на что однозначно указывает сохранение прежнего механизма воспроизводства, характерные черты которого были перечислены в начале статьи), б) неизбежно наступает экономический кризис (суть его описана выше), в) "верхняя прослойка" удерживает правящие позиции, постепенно перемещая часть своих "административных" представителей в сферу прибыльного легального бизнеса.

Позвольте! Но ведь "аппарат" оказывает яростное сопротивление внедрению рынка, не хочет уступать своей власти и привилегий — значит "верхней прослойке" не выгоден рынок — снова возразят наши упрямые оппоненты. Значительная часть работников аппарата к "верхней прослойке" не относится и, не обладая реальной властью, не может создавать ощутимых препятствий для реализации нововведений, идущих "сверху". Поэтому "сопротивление аппарата" — это лишь борьба "планово-административной" подпрослойки против "рыночной" за свою долю благ, т.е. борьба внутри "верхней прослойки", в результате которой часть резко увеличившихся легальных доходов "рыночников" теми или иными путями достигает и "администраторов". Переход к рынку полностью отвечает интересам "верхней прослойки", поскольку увеличивает долю перераспределяемого в ее пользу общественного богатства за счет легализации (кстати сказать, далеко не полной) теневой деятельности в рамках "симбиоза".

А как же малозагруженная секретарша? — спросите Вы, — она ведь может потерять место в ходе сокращения аппарата. Не сомневайтесь. Ее с радостью примут на работу в кооператив и даже положат более высокий оклад, не увеличивая загруженности. Создание кооперативов — распространенная форма видоизменения "симбиоза", отнюдь не отменяющая его основной сущности.

Но кооперативы бывают разные — не захотят сдаваться сторонники решительных рыночных преобразований, и демократизация внутривластной жизни в сочетании с экономическим плюрализмом, сопровождающая переход к рынку — одно из неопровержимых свидетельств общественного прогресса. Разве демократизация, как в политической, так и в экономической сфере, тоже на руку "верхней прослойке"?

На это возражение трудно ответить однозначно. Демократизация действительно дала возможность многим людям реализовать свои творческие способности и резервы деловой предприимчивости на благо общества. Кооперативы действительно бывают разные. Некоторые из них (незначительное меньшинство) по праву можно считать образцами эффективной социалистической организации производства. На отдельных предприятиях (в том числе кооперативных) созданы условия для работы с полной отдачей и получения соответствующего вознаграждения за труд. Однако, многие контингента работающих просто получили возможность "хорошо заработать", не слишком наращивая свои трудовые усилия. Другие контингенты, наоборот, лишены такой возможности. Какой же из этого следует вывод?

Сначала зафиксируем факты. Демократизация экономической жизни открыла

дорогу к самореализации многим людям, не относящимся к "верхней прослойке", но со стороны последней демократизация была вынужденной мерой, обеспечившей общественную поддержку неизбежной перестройке. Роль трудовых коллективов, оказавшихся в ходе преобразований в относительно благоприятных условиях, аналогична роли рабочей аристократии в расстановке политических сил буржуазного общества. "Подкармливание" отдельных контингентов трудящихся (в том числе интеллигенции) — традиционный способ сохранения политической стабильности классового общества, не затрагивающий его главных противоречий. Так что демократизация для "верхней прослойки" была не целью, но средством достижения цели.

Кроме того, демократия — всего лишь применение ко всем равного права, т.е. равенство по отношению к закону. Экономическая демократия при весьма слабо разработанном административно-хозяйственном законодательстве выливается в хозяйственный произвол и дезорганизацию производства. Причем и то и другое тесно связано с использованием экономических свобод представителями "верхней прослойки" в своих интересах. Это одна сторона вопроса.

С другой стороны, никем не доказано, что только в условиях рынка возможна демократия и хозяйственный плюрализм и тем более, что переход к рынку является гарантией позитивных сдвигов в общественной жизни (рост преступности, абсолютное снижение уровня жизни отдельных групп населения и вооруженные национальные конфликты говорят обратное).

Выводы читатель пусть сделает сам. У него, вероятно, появятся другие вопросы. Да и некоторые из поставленных вопросов пока остались без ответа. Автор не претендует на окончательность суждений. Тем не менее проведенный анализ позволяет сделать позитивные заключения практического и научного плана.

Те, кто надеется получить рецепты по уничтожению "симбиоза" будут разочарованы. Чтобы составить такие рецепты нужно иметь полное представление о классовой структуре нашего общества, в деталях изучить механизм воспроизводства "симбиоза" (а значит, и всего народного хозяйства) и осмыслить исторические закономерности его развития. Решение этих научных проблем зависит не только от рвения исследователей. Сам "симбиоз" должен достичь той стадии разложения, когда становится до конца ясным его прошлое и проливается свет на будущее. Всякое классовое общество создает механизмы мимикрии, затрудняющие его всесторонний научный анализ. И только на пороге новой ступени развития, когда старые механизмы мимикрии разрушаются, уступая место новым, истинная природа уходящего общества открывается тому, кто хочет ее узнать.

Сегодня на практике остается одно — разумное урезание экономических свобод, усиление планового начала в управлении народным хозяйством, сочетающееся с распространением эффективных систем материального стимулирования труда.

Тактическое отступление? Или перемена стратегии? — Нет. Всего лишь безотлагательные, далеко не достаточные для экономической стабилизации меры. В будущем, если руководство страны вновь решится на расширение хозяйственной самостоятельности предприятий, предотвратить моральный и экономический ущерб, наносимый при этом обществу в условиях господства "симбиоза", можно только соблюдая обязательное требование: должны быть обеспечены равноценные условия приложения труда и экономической самореализации во всех отраслях народного хозяйства, для всех предприятий, трудовых коллективов и отдельных лиц. Тогда можно будет говорить о переходе к действительно эффективному типу экономического производства, который выведет советское общество на передовые рубежи социального прогресса.